

"Шелкунчик"
Балет
П. И. Чайковского
Кульмамедов Б.
(худ.)

4/IV-87
Мур ССР
г. Ашхабад
Гос. т-р оперы
и балета им.
Махмулиева

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

4 АПР 1987

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА 5

НОВОЕ ИМЯ

Байрам — это праздник

Балет «Шелкунчик» на сцене Театра оперы и балета Туркмении оформил Байрам Кульмамедов. Он был тогда студентом Ташкентского театрально-художественного института. Балет получился ярким, красочным, праздничным.

Когда открывается занавес, вы видите на заднике увеличенные страницы партитуры Чайковского. По мере разворачивания событий и партитура «перелистывается». Присутствующие как бы зримо воспринимают музыку, которая на их глазах материализуется в звуках оркестра. Эта удачно найденная деталь в художественном оформлении балета не остается только фоном. Фон «участвует» в спектакле. Его герои как бы «сходят» со страниц произведения, обретая плоть на сцене.

В работах Байрама, кроме яркости, оригинальности, артистичности исполнения, заключена еще одна особенность: художник ставит перед собой задачи, выходящие за рамки чисто оформительских. Его декорации активно участвуют в действии и сами становятся действием. В одной из своих последних работ, выполненных на сцене Туркменского драматического театра (Байрам там сейчас работает), герой, шеф института, стоит перед своим портретом — подарком сотрудников. И по мере того как начальник самовлюбленно смотрит на свое изображение, размышляет о себе, портрет начинает вытягиваться, изображение растет, закрывает собой почти всю стену. Сам человек выглядит смешным и жалким перед гипертрофированным мнением о себе. Сначала оживление возникает в зале, зритель смеется, но затем воцаряется молчание. С тех пор человек, влюбленный в себя и безмерно честолюбивый, представляется мне в том расщепленном виде, в каком я увидел людей этого типа на ашхабадской сцене.

Вообще декорации Кульмамедова, будучи локально связанными с действием, в то же время обладают способностью становиться символами. Смыслом спектакля по пьесе Б. Васильева «В списках не значился», поставленного на ашхабадской сцене, стал тот образ войны и мира, концепцию которого создали и режиссер, и художник Кульмамедов. Сцена разделена на две части. В нижней — катакомбы Бреста. Война. В темных подземельях борются, страдают, умирают люди. Поражают их бескомпромиссность и терпение. Эту непоколебимость и силу, нежелание отступать объясняет жизнь, которая разворачивается во втором ярусе сцены. Здесь атмосфера добра, уюта, света — это жизнь матери героя пьесы. Она реально работает, ждет. Она для сына-солдата — мечта, свет, который надо сохранить и ради которого надо бороться и можно умереть. Образ матери как бы перерастает себя, обретает значение очага, земли, Родины.

Есть нечто общее в деятельности художника Кульмамедова с работой режиссера. Его работа, помогая выявлению общей идеи, в то же время дает основание сравнить ее со спектаклем в спектакле. В результате сценическое произведение становится многозначнее, полифоничнее.

Байрам молод. И стаж работы у него невелик. Но в послужном списке уже значатся более тридцати спектаклей, которые выходили в свет в его художественном оформлении. Обычно специалисты отмечают большую работоспособность художника, хотя Байрама усидчивым не назовешь. Он не запирается с утра до вечера в мастерской, чтобы, отгородившись от людей, работать в одиночестве. Общительный по природе, он постоянно среди людей. В основном это коллеги — актеры, режиссеры, художники. Он деятелен, подвижен, но большую часть времени проводит в театре. Он может ночью прийти в театр, чтобы походить по сцене, чтобы лучше представить себе расположение фигур, декораций будущего спектакля или чтобы сыграть музыкальную фразу, которая вдруг засветилась в нем.

И в мастерской он редко бывает один. Но это не мешает ему работать.

— В конце концов мы творим для людей, — говорит Байрам. — Так что они мне только помогают. Когда они рядом, веселее работается.

А работает он постоянно, легко, естественно, как дышит. Он не знает распорядка дня, где четко распределено время для отдыха и творчества. Он родился в этом мире искусства, живет в нем, как у себя дома.

Когда я думаю о Байраме, невольно вспоминаю его картину: она висит в мастерской художника. Золотой свет, идущий от утреннего солнца. Оно уже не алое, разбавлено желтым, густым цветом спелой айвы. Навстречу айвовому ливню лениво поднимаются желтые пески. Между двумя потоками земли и неба — бричка с молодыми людьми. Легкая бричка, ладно скроенные мускулистые лошади, оживленные пассажиры — они красивые, веселые, и, по всему виду, судьба широко им улыбается. Даже покачивание брички, которая несется вперед по бездорожью, доставляет им удовольствие. Каждая деталь полотна воспринимается, как знак, иероглиф молодости, беззаботной радости, оптимизма. И в то же время это неистовое солнце, жаркое дыхание азиатской пустыни, неожиданная бричка (ее так любили писать европейские художники XIX века) — смещение эпох, соединение элементов, принадлежащих различным странам, континентам. Слияние, казалось бы, несовместимого в одной картине составляет одну из главных особенностей творчества Байрама и является, если хотите, расшифровкой личности Кульмамедова, так легко соединяющей в себе разные, но плодотворные начала. Этот синтез лежит в основе искусства Байрама. Оно такое же неожиданное, яркое, красочное, как, впрочем, и сам художник, и даже его имя. Ведь Байрам — значит праздник.

Ф. МУСТАФАЕВ.

АШХАБАД.